

Сунь Цзы и Клаузевиц: кто более релевантен современной войне?

Джордж Бергер

Сунь Цзы и Клаузевиц признаны наиболее влиятельными авторами в вопросах военно-стратегической проблематики. Несмотря на то, что Клаузевиц писал около двухсот (Говард, 2008, с. 8), а Сунь Цзы — более двух тысяч лет назад (Кейн, 2007, с. 30), их идеи остаются релевантными. В данном эссе будет рассмотрено, в какой степени идеи Сунь Цзы и Клаузевица могут быть использованы для понимания современной войны.

Первая часть данного исследования включает в себя подлинно системный подход Клаузевица к предмету войны, а также показывает, насколько полезным остаётся этот подход для формулировки определения войны, способного концептуализировать всё многообразие проявлений современной войны. Чтобы успешно выполнить эту задачу, используемое Клаузевицем определение войны как хамелеона, его диковинная теоретическая троица и соответствующий концепт войны как расширенной дуэли будут истолкованы и применены по отношению к различным феноменам, проявляющимся в современной войне. Кроме того, тактические размышления Клаузевица о нападении и обороне помогут объяснить, почему могущественные государства не всегда способны выигрывать «малые войны».

Во второй части исследования будет использовано и оценено по степени релевантности современной войне определение Сунь Цзы. Главное замечание будет касаться источников различий во взглядах Сунь Цзы и Клаузевица из более широкой степени анализа Сунь Цзы, что делает его аналитическую работу более соответствующей стратегической динамике современной войны. Отметим отдельно, что используемый Сунь Цзы акцент на важности военного информирования, который прослеживается на протяжении всего трактата «Искусство войны», может быть полезен в понимании причины неспособности могущественных государств всегда выигрывать в малых войнах, но оказывается недостаточно подходящим для концептуализации многообразия форм современной войны.

Война суть больше, чем хамелеон

На протяжении последних лет идеи Клаузевица часто отклонялись как устаревшие, поскольку его акцент на государственных субъектах как на главных участниках войн не соответствует текущим событиям. Именно на это направлена критика Мэри Кэлдор, которая утверждает, что по той причине, что субгосудар-

ственные субъекты (главнокомандующие, наркоторговцы, террористы) сегодня оказывают наибольшее влияние в том, что Кэлдор называет «новыми войнами», заявленное Клаузевицем определение войны как инструмента в руках государства для достижения политических целей не соответствует изменчивой природе войны (Кэлдор, 2003, с. 15). Другим видным критиком является Мартин ван Кревельд, который заявляет, что доминанта малоинтенсивных конфликтов сделала идею Клаузевица irrelevantной (Кревельд, 2004, с. 88). Однако, данные критические обзоры часто избирали упрощенческое определение клаузевицевской войны (Daase in Strachan, 2007, с. 182). Определяя войну как нечто большее, чем хамелеон (Клаузевиц, 2007, с. 30), Клаузевиц признаёт, что облик войны всегда меняется в зависимости от окружающих её обстоятельств. «Согласно Клаузевицу, эссенциалистское определение войны недопустимо. Война должна быть определена в свете политических, экономических и культурных условий» (Мюнклер, 2007, с. 4). В зависимости от вовлечённых субъектов и преследуемых целей, будет меняться тип применяемого насилия (Рулофф, 2007, с. 10-11). Однако, как упомянуто выше, Клаузевиц определяет войну как нечто большее, чем хамелеон, легко изменяющий свой облик вместе с изменением окружающей его среды. Это показывает, что Клаузевиц поддерживал довод о том, что даже общеприменяемые характеристики внутренних тенденций войны (которые он описывал как странную троицу) могут пропорционально варьироваться. Это становится в высшей степени ясным, когда мы видим определение войны Клаузевица:

«Война суть не только истинный хамелеон, — поскольку она слегка меняется в каждом конкретном случае, — в своём общем внешнем проявлении она также, по причине присущих ей неотъемлемых свойств, суть странная троица» (Клаузевиц, 2007, с. 30).

Троица Клаузевица

Составными частями троицы Клаузевица являются: «Первобытные насилие, ненависть и вражда, рассматриваемые как слепые силы природы; игра случая и возможности, внутри которой свободен скитаться созидательных дух; и некоторый элемент субординации как орудие политики, делающий её зависимой от чистого разума» (Клаузевиц, 2007, с. 30).

Клаузевиц продолжает: «Первый из трёх данных аспектов в наибольшей степени касается населения, второй — полководца и его армии, третий — государства» (Клаузевиц, 2007, с. 30). Сущность клаузевицевской троицы проистекает из перманентной изменчивости взаимосвязи этих трёх элементов (Bassford in Strachan, 2007, с. 81). Вот почему Клаузевиц именует это странной троицей. Он пишет: «Задача состоит... в сохранении плавучести нашей теории среди этих трёх направлений» (Bassford in Strachan, 2007, с. 81). Слово «плавучесть» ясным

образом закрепляет за собой динамизм. В остальном три элемента динамически соотносятся с населением, военной силой и государственной властью (следовательно — не только с населением, с чем-то большим, чем население).

Клаузевиц рассматривает первый элемент его троицы, насилие, не только как физическое насилие, но как некую эмоцию, мотивирующую вступление в войну (Bassford in Strachan, с. 82). После того, как принимается решение вступить в войну, второй элемент, игра случая и возможности, конструирует аналитическую основу тактического поведения в войне. Игра случая порождается реалиями физического мира (горами, дорогами, транспортными средствами, вооружением, демографическими и экономическими характеристиками, технологиями и т. д.), а также личностями, потенциальными возможностями, надеждами, мечтами, планами и волей вовлечённых в конфликт субъектов, в котором их замыслы и действия будут развиваться синхронизировано (Bassford in Strachan, 2007, с. 89). Таким образом, второй элемент подразумевается отображающим точность и комплексность эмпирической реальности войны. Третий элемент представляет войну как стратегический инструмент и вследствие этого как продолжение политической деятельности. Этот третий элемент клаузевицевской троицы, в частности, часто критикуется как нерелевантный, поскольку он не может быть приложен к войнам с экономическими целями (Strachan, 2007, с. 9). Однако это всего лишь зависит от того, как мы определяем политику. Если кто-то использует узкое определение политики как искусства управлять государством, очевидным образом идея Клаузевица становится непригодной для концептуализации войн, в которые вовлечены негосударственные субъекты. Однако в этом кроется заблуждение. Вернее было бы определить политику как «крайне изменчивый процесс, в котором власть распространяется на любое социальное объединение» (Bassford in Strachan, 2007, с. 84), таким образом, включая как государственные, так и негосударственные субъекты. Это может не соответствовать клаузевицевскому обзору политического опыта, но способно объяснить условия в случае, где политика буквально приравнивается к искусству управлять государством.

С помощью этой текучей троицы, Клаузевиц конструирует концепцию войны, отражающую такие её неотъемлемые черты, как непредсказуемость и многокомпонентность, и которая также может быть использована для анализа современной войны. Подводя итог изложенному, отметим, что природа войны, несмотря на изменения, происходящие с субъектами и их целями, может быть в достаточной мере концептуализирована подходом Клаузевица.

Война как расширенная дуэль

Однако для конструирования комплексности войны может быть использована не только идея троицы. Клаузевиц представляет схему, которая поможет нам

сократить многокомпонентность войны определением её как расширенной дуэли. Он формулирует цель такой дуэли как: «заставить нашего врага исполнить нашу волю» (Клаузевиц, 2007, с. 13). Эта схема редуцирует многокомпонентную войну к войне «как использованию насилия для реализации военных задач с целью достижения политических замыслов» (Daase in Strachan, 2007, с. 186). Эта тройственность, соединённая с идеей «расширенной дуэли», приводит к концептуальной схеме насильственного конфликта, состоящего из пяти элементов: «атакующего, обороняющегося, насильственных методов, военных задач и политических замыслов» (Daase in Strachan, 2007, с. 185). Такая схема может описывать все формы политического насилия; как традиционные войны между государствами, так и новообразованные феномены войны: партизанские войны, военную логику возникновения массового насилия в гражданских войнах (Мюнклер, 2010, с. 146) или терроризм. Терроризм, к примеру, с использованием данной схемы может быть описан как негосударственный субъект («атакующий»), практикующий неожиданные нападения на гражданское население («методы») для распространения среди населения паники («военная задача») с целью заставить политическую власть («обороняющийся») вносить изменения в свою политику («политический замысел»). Превосходным примером являются террористические бомбовые атаки, выполненные в Испании в 2004 г. для воздействия на избирательную кампанию с целью влияния на правительство, что привело к выводу испанских войск из Ирака.

«Исповедь»: почему могущественные государства проигрывают «малые войны»

Идеи Клаузевица, содержащиеся в «Исповеди» (Bekanntnisschrift в оригинале, документ, в котором Клаузевиц призывает к патриотической партизанской войне против французских оккупационных войск), могут помочь в понимании различия между традиционными «большими» межгосударственными войнами и «малыми войнами», возникающими между могущественными государствами и якобы менее могущественными негосударственными субъектами (Daase in Strachan, 2007, с. 193). В традиционных войнах участники стремятся организовать борьбу стратегией нападения и тактической обороной. В малых войнах негосударственные субъекты планируют обратное. Поскольку в военном отношении они слишком слабы, чтобы атаковать врага на своей собственной территории, они используют тактику нападения через стратегию обороны (Daase in Strachan, 2007, с. 190). Клаузевиц пишет:

«Внутри фронта, который мы решили отстаивать, мы можем атаковать врага где и как угодно. Здесь у нас есть все средства для того, чтобы разрушить армию врага, равно как и в любом нападении. Поистине, на нашем собственном фронте это удастся гораздо более легко, чем нашему врагу» (Daase in Strachan, 2007, с. 189).

Эта идея «противодействующей обороны» совершенным образом соответствует логическому основанию современных партизанских войн.

Ещё один представленный Клаузевицем элемент, помогающий объяснить, почему могущественные государства проигрывают «малые войны», состоит в том, что войны, проводимые на чужой территории, гораздо легче переносятся (Клаузевиц, 2007, с. 284). Помимо этого Клаузевиц также обращает внимание:

«Национальные настроения, решающие для мотивации, появляются более легко и утверждаются более долговечно, когда они вызваны целью национального самосохранения и обороны, чем целью завоеваний и наступательных мер» (Daase in Strachan, 2007, с. 193).

Эта мысль также соответствует первому элементу клаузевицевской троицы.

В целом доказана ошибочность представления о том, что идея Клаузевица соответствует только войнам между государственными субъектами. Его ясные и чёткие схемы и концепты делают возможным понимание традиционного и нетрадиционного ведения войны. Его труды о защите и нападении в сочетании с идеями, выраженными в «Исповеди», дают новые ключи к пониманию, почему государства могут сталкиваться с трудностями в управлении несимметричными войнами. Таким образом, идеи Клаузевица остаются в высшей степени релевантными современным войнам (Дайвестейн, 2005, с. 220).

Сунь Цзы: война подобна воде

В поисках детального определения сущности войны в «Искусстве войны» Сунь Цзы, кто-то может не найти ответ так же легко, как в труде Клаузевица. Однако, несмотря на культурные, временные и методологические пропасти между мыслителями, оба приходят к схожим выводам. Название труда — «Искусство войны» — подразумевает, что Сунь Цзы частично определяет войну подчинённой случайностям и трениям; так или иначе, Сунь Цзы также подчёркивает значимость наличия интуиции у военного руководителя для возможности адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам (Гендель, 2005, с. 22). В остальном, понимание Сунь Цзы изменчивости сущности войны отражено в следующей цитате: «Как вода не имеет постоянной формы, так война не имеет постоянных условий» (Сунь Цзы, 1986, с. 22). В сочетании с некоторыми поэтическими метафорами это положение подчёркивает сложность войны:

«Музыкальные ноты сосчитываются всего пятью, но их мелодии столь многочисленны, что никто не может услышать каждую. Основные цвета сосчитываются всего пятью, но их сочетания столь бесчисленны, что никто не может обнаружить каждое. Запахи сосчитываются всего пятью, но их смешения столь многообразны, что никто не может почувствовать аромат каждого. В сражении существуют только основные и чрезвычайные силы, но их комбинации столь безграничны, что ни-

кто не может постичь каждую из них. Они плодотворны во взаимодействиях, число которых замкнуто в бесконечности подобно сцепленным кольцам. Кому дано определить, где кончается одно и начинается другое?» (Сунь Цзы, 1986, с 17).

Данная цитата ясно показывает, что Сунь Цзы, как и Клаузевиц, осознаёт внутреннюю многосложность войны. Для Сунь Цзы комплексность в столкновении берёт начало во взаимодействии с противной стороной, что является сходным со вторым элементом клаузевицевской троицы, постулирующим, что комплексность войны связана с физическими условиями, в которых стратегии и тактики оппонентов трансформируются через взаимное влияние:

«Я властен над тем, что зависит от меня, но не могу быть уверен в том, что зависит от противника. Посему говорится: некто знает, как победить, но это не сделает победу неизбежной» (Сунь Цзы, 1986, с. 15).

Подчёркивая непредсказуемость войны, Сунь Цзы создаёт принцип хаоса (в современном научном смысле), соответствующий многосложности современных войн, также отражённый в концепции войны Клаузевица.

Очевидное различие между идеями двух мыслителей состоит в том, что Клаузевиц склонен сосредотачиваться на «нижних», тактических уровнях войны, в то время как Сунь Цзы вводит в свою теорию «верхние», стратегические слои (Гендель, 2005, с. 24). Главное отличие между Сунь Цзы и Клаузевицем основано, таким образом, на разнице не в определении войны, а в уровнях анализа. Другое отличие состоит в их оценке категорий информирования и дезинформирования. В то время как Сунь Цзы мыслил эти категории важнейшими составляющими в процессе войны, пронося их как лейтмотив через всю работу «Искусство войны», Клаузевиц, несмотря на понимание их тактической ценности, не рассматривал эти категории как первоочередно важные, и игнорировал значимость внезапных нападений и других проявлений хитрости на стратегическом уровне (Гендель, 2005, с. 168-172). Теперь мы представим эти различия более подробно и тщательно исследуем их релевантность в понимании современных войн.

Уровни анализа

Концептуальная модель «Искусства войны» гораздо шире модели, изложенной в «О войне». Клаузевиц заинтересован, главным образом, в искусстве ведения войны (однако, Клаузевиц не считает дипломатию маловажной, в его понимании война начинается, когда дипломатия подводит, по этой причине он проводит анализ, отличающийся уровнем от анализа Сунь Цзы), в то время как Сунь Цзы уделяет внимание стратегиям, предшествующим самой битве: от военных приготовлений до дипломатических акций (Гендель, 2005, с. 24). Для Сунь Цзы стратегическое превосходство ведёт к тактическому успеху (Сунь Цзы, 1986, с. 12). Что же касается Клаузевица, тот проводит причудливую черту между по-

литическими, экономическими и тыловыми приготовлениями и командованием битвой. Это в некоторой степени неудачная мысль, ввиду того, что сильная дипломатическая стратегия и отлаженная экономика — подчёркнутые Сунь Цзы преимущества — несомненно играют колоссальную роль для победы в войне. Это особенно соответствует истине сегодня, когда научный прогресс и технические достижения, равно как производство и доставка продуктов питания, топлива и вооружения, важны для победы в войне наравне с тактическим успехом на поле боя (Гендель, 2005, с. 28). Принимая во внимание многосторонность данного анализа, размышления Сунь Цзы представляются несомненно более релевантными современным войнам в сравнении с идеями Клаузевица.

Другое значительное различие, проистекающее из акцента, сделанного Сунь Цзы на стратегической подготовке, состоит в идее достижения численного превосходства, в противоположность чему Клаузевиц акцентирует на тактическом уровне и соответствующей теории формирования основы боевого потенциала (Гендель, 2005, с. 40). Сунь Цзы считает, что ключевым моментом для победы в войне является численное превосходство (Сунь Цзы, 1986, с. 22). Клаузевиц явно согласен с утверждением о том, что вероятность победы в сражении возрастет вместе с перевесом в численности армии, однако он также считает, что битва может быть выиграна посредством создания внутреннего численного превосходства (Клаузевиц, 2007, с. 243).

Применение учения Сунь Цзы о численном превосходстве было в высшей степени очевидным в стратегии Китая во время Корейской войны (1950-53), с помощью чего ожидалось достижение тактического успеха против руководимых США войск ООН (Фридман, 2001, с. 43). Кроме того, тот же тип стратегии использовался СССР после Второй мировой войны. Советский Союз существенно превосходил войска НАТО в отношении неядерных активов. Эта ситуация повлияла на президента Эйзенхауэра принять решение о «прекращении попыток конкурировать в мощности вооружения и обратить используемые средства в капитал вместо наращивания ракетного арсенала Соединённых Штатов» (Фридман, 2001, с. 48). Это наглядно показывает способность идей Сунь Цзы помочь в объяснении некоторых военно-стратегических констелляций современности.

Сунь Цзы и разведка

На всём протяжении «Искусства войны» Сунь Цзы подчёркивает важность информированности. Согласно Сунь Цзы, как на стратегическом, так и на тактическом уровне, ведение войны полностью основано на дезинформирующих мерах и факторе внезапности, и, таким образом, на разведке (Сунь Цзы, 1986, с. 9). Сунь Цзы утверждает, что непрерывное использование информации о стратегии противника (его политическая цель, возможности коалиции и т. д.) и

его тактическом положении (численность и типы войск, военное оборудование, имеющиеся ресурсы и т. д.) — единственно эффективный путь использовать его слабые места, и именно на таком основании должно происходить формирование военно-стратегического планирования (Сунь Цзы, 1986). Критики считают, что Сунь Цзы чрезмерно полагается на информированность, тем самым, делая фактор внезапности и дезинформационную активность панацеей (Гендель, 2005, с. 194). Ко всему прочему возникает вопрос: противоречит ли убеждённости Сунь Цзы в достижимости достоверности получаемых данных и в способности таких данных способствовать точным прогнозам (Гендель, 2005, с. 193) его идее бесчисленности возможных трансформаций войны, упомянутой выше? Тем не менее, на этих основаниях не следует игнорировать важность разведки в современных войнах. Сегодня информированность, фактор внезапности и дезинформирующие противника меры действительно играют значительную роль в процессе ведения войны. К примеру, в течение войны в Персидском заливе, потеря Саддамом Хусейном авиаразведки позволила Соединённым Штатам и их союзникам успешно использовать тактику дезинформации, которая, вдобавок к всестороннему превосходству армии США, сыграла роль в стремительном поражении иракских войск (Финлан, 2003, с. 33).

Другая сторона размышлений, порождённая идеями Сунь Цзы о разведке и касающаяся понимания современных войн, является более смутной. Сунь Цзы осознавал, что разведка и сбор информации являются крайне трудной задачей. Глава «Использование шпионов», в которой Сунь Цзы пишет о дезинформационной деятельности, противодействии дезинформации и контрмерах против контрдезинформации, ясным образом отражает его понимание этой трудности. Если принять во внимание исторически окружавший Сунь Цзы мир, его идеи о трудоёмкости сбора информации могут быть рассмотрены более глубоко. Политический мир Сунь Цзы состоял главным образом из двух субъектов: императоров китайских государств и правителей варваров (Кейн, 2007, с. 30). Глава, посвящённая тактике, указывает, что подавляющее большинство непосредственных военных столкновений происходили в зоне конфликта (Сунь Цзы, 1986, с. 15). Это контрастирует со сложностью современных конфликтов. Сегодня конфликты часто включают в себя огромное множество субъектов с разными мотивами и стратегиями (государства, военачальники, террористы, торговцы ценными бумагами, преступные организации и т. д.), равно как и с разными способами ведения войны (традиционные тактики, партизанские методы, террористические атаки и т. д.). Таким образом, можно предположить, что выполнение задачи адекватного информирования сегодня крайне трудно, если не невозможно. Следовательно, идея Сунь Цзы о сложностях информирования может помочь в объяснении, почему сильные государства неверно оценивают определённые ситуации и недооценивают политические и военные возможности негосударственных субъектов,

вследствие чего ими принимаются ошибочные стратегии. Это приводит к их поражению в несимметричных конфликтах.

Закключение: оба мыслителя остаются релевантными

Данное эссе показало, что идеи как Клаузевица, так и Сунь Цзы остаются существенными для понимания современных конфликтов. Сочинения Клаузевица о защите и нападении, дополненные идеями, выраженными в «Исповеди», предлагают аналитическое понимание современных партизанских войн. Одна незначительная слабость клаузевицевской теории состоит в чре́змерном подчёркивании важности тактического уровня войны и пренебрежении стратегическим уровнем. Учитывая этот момент, подход Сунь Цзы, как более широкий, обладает перманентной значимостью в стратегическом измерении войны. Помимо всего прочего, рассуждения Сунь Цзы о разведке полезны в рассмотрении трудностей, с которыми сталкиваются государства, вовлечённые в несимметричные войны. Однако Сунь Цзы не оставляет достаточно возможностей для концептуализации войн. Это, напротив, является сильной стороной аналитической мысли Клаузевица. Клаузевицевское определение войны как нечто большего, чем хамелеон, по-видимому, вневременное и универсальное, дополненное его концепцией «троицы», помогает объяснить динамику современных войн любого типа. Таким образом, Клаузевицу удаётся переступить границы собственного опыта, наложенные на него политической и технической обстановкой его времени (Говард, 2002, с. 1). Помимо этого, его схема войны как расширенной дуэли крайне полезна в концептуализации различных форм современного политического насилия. Сунь Цзы не предлагает такого концептуального инструментария, что делает труд Клаузевица «О войне» более пригодным для понимания и структурирования современных войн.

Библиография

Clausewitz, Carl. 2007. Carl von Clausewitz — On War. Translated by Michael Howard and Peter Paret. Oxford, Oxford University Press.

Duyvesteyn, Isabelle. 2005. Rethinking the Nature of War. London, Frank Cass.

Finlan, Alastair. 2003. The Gulf War 1991. Oxford, Osprey Publishing Ltd.

Freedmann, Lawrence. 2001. The Cold War — A military History. London, Casell and Co.

Handel, Michael. 2005. Masters of War — Classical Strategic Thought. London, Taylor and Francis.

Howard, Michael. 2002. Clausewitz — A very short intorduction. Oxford, Oxford University Press.

Kaldor, Mary. 2003. Old and New Wars — Organized Violence in a Global Era. Oxford, Blackwell Publishing Ltd.

Kane, Thomas. 2007. Ancient China on post Modern War. London, Routledge.

Munkler, Herfried. 2007. Neues vom Chamaleon Krieg in ApuZ: Kriege und Konflikte. Frankfurt, Frankfurter Societatsdruckerei GmbH.

Munkler, Herfried. 2010. The New Wars 4th ed. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.

Ruloff, Dieter. 2007 Eine Übersicht in ApuZ: Kriege und Konflikte. Frankfurt, Frankfurter Societatsdruckerei GmbH.

Strachan, Hew. 2007. Clausewitz in the 21st Century. Oxford, Oxford University Press.

Sun Tzu edited by James Clavell. 1983. The Art of War. New York, Delacorte Press.

Van Creveld, Martin. 2004. The Future of War. Munchen: Gerling Akademie Verlag GmbH.